

Вадим Барташ

18+

Дакия в огне

Часть вторая

Дакийский салодержец

Вадим Барташ
Дакия в огне. Часть вторая.
Дакийский самодержец

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68982180
SelfPub; 2023*

Аннотация

В начале II века новой эры римский орёл нарастил, отточил когти и, расправив широко крылья, взмыл на недостигаемую высоту. Рим с правления Юлия Цезаря изменился. Он достиг зенита своего могущества. А всё потому, что переродился из республики в империю. И вот во время развязанных им нескольких Дакийских войн он впервые столкнулся с нашими далёкими предками – тогда они объединялись в племенные союзы венедов, склавинов и карпов и выступали в качестве союзников царя даков. Эти племена по мнению учёных и являлись праславянами. И именно об этом эпизоде всемирной истории и идёт повествование в данном романе.

Содержание

Предисловие	4
Глава первая	7
Глава вторая	26
Глава третья	37
Глава четвёртая	47
Глава пятая	52
Глава шестая	63
Глава седьмая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Вадим Барташ

Дакия в огне. Часть вторая.

Дакийский самодержец

Предисловие

В начале II века новой эры римский орёл нарастил и отточил когти и, расправив широко крылья, взмыл на недостижимую высоту.

Рим с правления Юлия Цезаря изменился. Он достиг зенита своего могущества. А всё потому, что переродился из республики в империю. И вот, во время развязанных им нескольких Дакийских войн, он впервые столкнулся с нашими далёкими предками (тогда они объединялись в племенные союзы венедов, склавинов и карпов), и выступали в качестве союзников царя даков. Эти племена по мнению учёных и являлись праславянами.

И именно об этом эпизоде Всемирной истории и идёт повествование в данном романе.

Но главным героем в этом романе всё же выступает известный римский политик и военачальник, близкий друг и соратник императора Марка Ульпия Траяна, Лузий Квиет, который, по некоторым сведениям, был выходцем из глубин-

ной Африки и являлся сыном вождя одного из негритянских племён.

Судьба у Лузия Квиета складывалась не просто. Она была в своём роде удивительной, и ему многое пришлось испытать. Ещё в малолетстве он попал в руки купцов, занимавшихся работоторговлей, потом, повзрослев, стал гладиатором и выступал на арене цирка Флавиев, и уже в зрелом возрасте сделал карьеру на военном поприще. Под конец жизни он дважды занимал должность консула и стал видным военачальником, а ещё он был личным другом императора Траяна. Последний великий римский историк Аммиан Марцеллин, спустя два с половиной века, напишет, что «Лузий Квиет, наряду с Гнеем Домицием Корбулоном, станет недостижимым образцом воинской чести и доблести».

Ещё одним героем данного романа по праву можно считать царя даков.

Децебал тоже являлся совершенно неординарной, и я бы даже сказал выдающейся личностью. Он прославился на нескольких поприщах, и проявил себя, в том числе, как талантливый военачальник, и поэтому стал достойным соперником Рима и самого Траяна. И не случайно на родине этого царя, в нынешней Румынии, его помнят и преклоняются перед ним, хотя с момента его гибели прошло почти две тысячи лет. Ему ставят там даже памятники.

Ну и, пожалуй, в этом романе следует выделить и третьего героя. Он достоин тоже не меньшего внимания, чем назван-

ные выше.

На мой взгляд этим героем по праву можно считать тогдашнего князя уличей.

Звали его предположительно Драговитом, он тоже был неординарной и яркой личностью. И поэтому этот князь играет немаловажную роль в противостоянии даков с Римской империей, а затем и в консолидации юго-восточной ветви праславянских племён.

105 год нашей эры.

Область к северу-востоку от Карпских гор (нынешние Карпаты).

Верховья Данастрия (нынешний Днестр).

Земля карпского племени уличей (позднее ставших называться лютичами).

Укреплённое поселение Тамасидава.

Глава первая

Думаю, читатель, что с самого начала необходимо небольшое уточнение. Вернее, короткий экскурс в прошлое. Следует знать, что, хотя о праславянах впервые упоминали такие авторы, как Тацит и Плиний Старший, где-то на рубеже новой эры, но как единая языковая общность, они сформировались гораздо раньше, ещё в середине II тысячелетия до новой эры, отделившись от общего индо-европейского древа.

А в середине I тысячелетия до новой эры они стали организовываться в так называемые союзы племён. И процесс этот растянулся у них на много и много веков.

И ещё, у праславян уже в далёком прошлом была развитая мифология, и в ней имелось достаточно особенностей. Так у них солнце выступало не в одной, а в четырёх божественных ипостасях. Зимнее было Хорсом, весеннее Ярилом, летнее Даждьбогом и осеннее Сварогом.

Сейчас Ярило сменило Хорса...

И вот, побагровевшее весеннее светило уже начало остывать и не так припекало. Краем своим оно зашло за вершину горы, которую называли Чёрной. Несмотря на такое название, вершина этой горы до сих пор сверкала белизной, потому что её покрывал нарастающий снег.

Вечер брал своё и стремительно накидывал непроница-

емое покрывало на Землю. Вокруг, до куда дотягивался взгляд, зеленела буйная растительность. Широколиственные леса перемежались с разросшимся кустарником. Всё вокруг расцветало и благоухало, да так, что начинала кружиться голова.

Весна была на исходе и от того природа окончательно пробуждалась.

Столица улицей не спала. В ней было необычайно шумно.

Кажется, в Тамасидаве в эту ночь никто так и не сомкнул глаз...

Несмотря на то, что вечерами ещё было довольно-таки прохладно, но на рыночной площади разожгли костры и меж них поставили десятки длинных столов. Их наспех сколотили, и они предназначались для воинов и уважаемых жителей стольного града, к которым прежде всего причислялись главы семейств и владельцы различных мастерских и торговых рядов. Однако помимо этого зажгли смоляные факелы и в княжеских палатах, и там стало светло как днём.

В палатах князя устроили пир.

И хотя совсем недавно уличи, как и все остальные карпы, отмечали один из главных своих праздников – Велик день, день весеннего равноденствия, но Драговит и на этот пир не поскупился. Устроил он его с размахом.

Впрочем, прежде, ещё до восхода солнца, под руководством верховного жреца Богумила и его помощников уличи

совершили обряд на капище Перуна и принесли ему и прочим богам благодарственные жертвы. На этот раз не пленников, а привели для этого на капище и закололи там бычков.

Этот пир и обряд были не традиционными. Драговит приурочил их к завершению заседания Совета старейшин и Собрания воинов племенного союза.

С князем в его палатах находилось немного лиц. Здесь сейчас пировали воевода уличей и двадцать старших дружинников, а также присутствовало столько же старших дружинников из других родов и племён, а ещё были и старейшины, кроме нескольких.

Хвалимира и самых рьяных его сторонников не было, и это бросалось в глаза. Но Драговит делал вид, что ничего не случилось. А вот Градибор в Тамасидаве задержался. В отличие от Хвалимира он был изворотливее, и поэтому не хотел раздражать князя и рвать с ним окончательно. У него, впрочем, состоялся неприятный разговор с Драговитом, но они не стали до конца ссориться и выяснять отношения. Он то и удостоился теперь сидеть по правую руку от Драговита. А ещё рядом с Драговитом находился Клондик. Рыжеволосый, шумный и внешне простоватый верзила, с топорными чертами лица.

Клондик уселся по левую руку от князя. Это был вождь одного из бастарнских племён.

Клондик прибыл вчера. С ним прибыло и до ста воинов

бастарнов. Они выделялись своим крупным телосложением и оружием. Как и германцы, бастарны предпочитали в сражениях орудовать не мечами, а огромными секирами. Это было их прирождённое оружие.

Бастарны являлись восточной ветвью кельтов и обитали по северным склонам Карпских гор и вплоть до среднего течения Борисфена (нынешнего Днепра). Клондик, как и все кельты и германцы, морщился от вина, но за то обожал пиво, и сейчас налегал исключительно на него. И по нему было видно, что он достаточно опьянел.

А ещё здесь же находился и посланник Децебала. С ним мы познакомились. Это был Скорио, сын одного из ближайших соратников дакийского царя. Скорио больше слушал соседей и лишь односложно отвечал, если кто-то к нему обращался.

Медовуха и греческое вино лились рекой.

Так же гостям предлагали квас и пиво. Слуги разносили яства, по большей части приготовленные на карпский, то есть на склавинский манер. Среди мяса преобладала дичь, а ещё было много солонины и различных блюд из грибов и ягод, причём из ягод как свежих, так и замороженных. Развлекали собравшихся музыканты, игравшие на свирелях и дудках, и бывшие в тамбурины и бубны. Ну и тут же крутились нелепо одетые скоморохи, которые дурачились и безудержно кривлялись. Однако всем приглашённым показалось этого мало, и они начали бурно выражать нетерпение.

Многие из-за этого нетерпения стали стучать кубками о столешницы.

И вскоре появился тот, кого с самого начала все ожидали... Два отрока ввели его в палаты и, подведя к лавке, усадили на неё.

Затем подали ему древний струнный щипковый музыкальный инструмент, который склавини и карпы использовали уже на протяжении нескольких веков и который они переняли скорее всего у своих соседей, живших дальше к северу. Инструмент этот назывался гусями.

Но эти гусли были особые. Старинные, переходившие по наследству. И очень внушительные.

Приведённому музыканту все одобрительно захлопали. Карпы его уже знали. Это был сказитель, которого звали Буяном.

У Буяна невольно вырвался из груди глубокий вздох. Он нащупал амулет, выточенный из кости какого-то древнего животного и висевший у него на груди (это скорее всего была кость заросшего шерстью доисторического слона, которого северные народы до сих пор встречали, поклонялись ему и называли его мамонтом), прикоснулся к амулету губами, что-то прошептал. Затем обвёл гостей невидящим взглядом, поблагодарил за приглашение и... Заиграл. Искуссно и почти не касаясь пальцами на своём необычном инструменте.

Сказитель стал исполнять недавно сочинённую им были-

ну.

Хотя слава об этом сравнительно молодом сказителе зародилась недавно, но она успела перешагнуть за пределы обитания уличей. Песни его теперь исполнялись и на пирах у князей и старейшин антов, карпов и даже у северных венедов. И на всём этом пространстве, где по существу говорили на одном языке, на праславянском, и поклонялись одним богам во главе с Перуном, он теперь по праву считался лучшим сказителем. А вообще Буян был для сказителя совсем не старым, ему едва перевалило за двадцать пять лет, и он был от рождения слепым.

Это между прочим придавало особенную убедительность и красоту его пению. Он из-за этого в свои песни вкладывал всю душу.

Голос у Буяна был тоже необыкновенным и при этом постоянно менялся. Казалось он пел несколькими голосами. Или вернее, если закрыть глаза, то можно было бы подумать, что пел не он один, а пели сразу трое сказителей. У одного из них голос был низким. У второго средним. И у третьего почти что детским.

То есть, его голос то становился тонким-тонким, потом тихим, почти переходившим на шёпот, и его едва было слышно, то громким, даже очень, то начинал дрожать. Буян пел о славном прошлом карпов, об их извечной борьбе с кочевниками, приходившими из степей и сеявших смерть

и разрушения. А ещё он пел о древних героях, которые не щадили живота своего, защищая родную землю.

Главными героями его недавно сочинённого сказания выступали новые лица. Ими стали богатырь Велеслав и его помощник, отрок Словен. Кстати, замечу, что этот самый Велеслав являлся не каким-то там выдуманным героем, а считался предком и основателем рода Драговита, и жил он ещё два века назад, при дакийском царе Бурбисте, объединившим свою страну и сделавшим её самой могущественной в Восточной Европе.

Большинство из пирующих уже не отвлекались на разговоры и питьё, и все внимательно слушали слепого сказителя.

Только Драговит в пол уха его слушал. Он осторожно разглядывал пирующих и размышлял.

Драговит испытывал удовлетворение оттого, что сумел добиться намеченного, хотя и знал, что за его спиной созрел опасный заговор, составившийся из части старейшин. Заговор этот возглавил тщеславный Хвалимир. И вот этого интригана, Драговит, кажется, на этот раз переиграл и уложил на лопатки.

Драговит покосился влево и взгляд его упёрся в дакийского посланника.

Дак почувствовал, что князь смотрит на него. Их взгляды встретились. Скорее не выдержал взгляда Драговита и опустил глаза. Как будто он чувствовал за собой какую-то вину.

Или в чём-то провинился...

Хо-о-отя, может так оно и есть... Вирута, супруга князя, открыла Драговиту на днях секрет. Этот юноша, уже дважды посещавший Тамасидаву, ещё с первого раза стал засматриваться на их младшую дочь, на Беляну. Она ему явно понравилась. И они даже уже несколько раз успели встретиться на едине.

Вирута ещё сказала Драговиту: «Ты знаешь, наверное, скоро нам надо ждать сватов, дорогой... Я чувствую, что Беляне не долго осталось ходить в девках.» Но Драговит отвлёкся от этих размышлений и тут же вспомнил о главном, о письме, которое Скорио передал ему в этот приезд.

В своём последнем послании царь даков просил князя прийти к нему на помощь, и клялся Замолксисом и даже ещё и карпскими богами, что не жаждал войны, а значит Рим её развязал по собственной воле, с определённой целью. И развязал её Рим для того, чтобы уничтожить Дакию, расправиться с ней окончательно, ну а потом, уже следующей его жертвой, неизбежно станут соседи даков.

Децебал также просил с помощью не затягивать, а то может случиться и так, что будет уже поздно.

Драговит отпил немного медовухи и, повернувшись к ба-старнскому вождю, склонился к его уху и спросил:

– Кло-ондик, послушай... А к тебе даки обращались?

Рыжеволосый детина толком не разобрал, что ему сказали.

– Слу-у...слу-ушаю...кня... кня-яже... Что-о... что ты сказал?

– А к тебе Децебал присылал своих людей?

– Децебал? Зачем?

– За помощью.

– За помощью? – переспросил бастарн.

– Ну, да.

Бастарн оторвался от огромного куска мяса, вытер рукой рыжую бороду и губы, смачно икнул и произнёс заплетающимся языком:

– О-о...о-обращался. Й-и-ик...

– И что бастарны по этому поводу думают? Вы поддерживаете даков? Выступите против Рима?

– Всё за...зависит от вас. Й-и-ик... Если карпы и склавинны решатся, то... то тогда и мы... – Клондик вновь икнул, запил мясо пивом и добавил: – то тогда... тогда и мы, конечно, выступим. Клянусь Дагдой-Одином! Во всяком случае за своих пиквинов я поручусь...

Драговит тут же ответил:

– Мы готовимся выступить!

– И что, не побоитесь?

– Пусть меня услышит громовержец Перун! Да! Не побоимся! И мы готовим оружие и всё снаряжение... Ведь так? – и князь повернулся и обратился уже к старейшине рода Бужан.

Градибор вроде бы как слушал Буяна, но на самом деле

тоже о чём-то задумался. Взгляд его был блуждающим и каким-то отстранённым. После некоторой заминки Градибор обернулся к князю и поддержал его.

– Да, да, мы собираемся. И готовим оружие. Скоро будем выступать.

– И сколько вы намереваетесь выставить воинов? – немного протрезвел от этих слов Клондик.

– Половину.

– Зна-ачит... тысяч десять... или двенадцать?

– Примерно.

– Но этого мало... Я знаю римлян. С ними не раз пришлось встречаться на узкой тропе. Помахались мы с ними! О-ох, славно! Аж затупились и пришли в негодность две мои секиры! Но надо признать, римляне умеют воевать, они бойцы ещё те.

– Согласен с тобой, Клондик, этого мало. Однако мы не можем оголить своё южное порубежье совсем. Того и гляди сарматы вновь оттуда могут прийти, чтобы на наши южные уделы напасть и ограбить их.

– Ну может мы, пиквины, соберём тысяч пять, и столько же к нам прибудет добровольцев из других бастарнских племён... От тех же костобоков... – начал рассуждать почти окончательно протрезвевший Клондик. – Зна-ачит... тысяч семнадцать, а то и более нас выступит!

– Всё равно, Децебалу этой подмоги будет недостаточно. Ему необходимо больше воинов... – вклинился в разговор

Клондика и Драговита старейшина Бужан. — От беженцев из-за Горы я слышал, что Траян на этот раз привёл за собой в Дакию сто пятидесяти тысячную армию! Пятнадцать легионов! Это небывалая сила! А кто-то утверждает, что и все двадцать он ведёт! Это больше половины всей римской армии...

— Я это знаю, — поддакнул Градибору Драговит, — и поэтому ещё несколько дней назад послал человека к старому Божену, и жду теперь ответа от князя склавинов. Мы будем дожидаться и склавинских воев. Чтобы выступить всем вместе. Нас тогда уже наберётся достаточно, тысяч тридцать, и вот после этого мы и выступим сообща...

Где-то на полпути между Тамасидавой и Заргидавой, главным поселением рода Дулёб (позже это поселение переименуют в Искоростень), в глухой чаще обитала старуха. Скажу прямо, читатель, была она необычной. Сколько ей было лет никто не знал. Многие считали, что её возраст уже давным-давно перевалил за восемьдесят лет. Звали её Семаргалой. Облик у неё был ужасен. Я бы даже подчеркнул, что не просто ужасен, а была она необыкновенно уродливой.

Ну вот представьте: старуха эта была вся какая-та жёлтая, кривобокая, с длинным предлинным крючковатым носом, нависавшим не только над её беззубым ртом, но и над её острым подбородком, с впалыми и испещрёнными морщинами щеками и с совершенно лысым шишковатым чере-

пом, постоянно прикрытым платком. Такую встретишь ночью и упадёшь в обморок. А то и вовсе не встанешь!

О ней рассказывали всякие нехорошие вещи. По рождению она была не праславянского племени, а принадлежала скорее всего к тем древним народам, которые обитали в основном на севере, и которых греческие периплы называли меланхеленами (это были предки финнов, мери, мордвы). Утверждали, например, что она зналась с нечистой силой, обитавшей на болоте, и могла кого угодно уморить своими заклинаниями, а ещё она знала различные яды и могла предсказывать будущее.

Избушка у этой ведьмы была ей под стать...

Была она низкой и от старости почернела. И ещё казалось, что по самую крышу эта избаушка выросла в землю. Чтобы войти в неё приходилось спускаться по земляным ступеням.

Располагалась избаушка на мысу, который далеко вклинивался в болотную топь. Вообще, вокруг простирались не только топи, но и непроходимые чащи.

Жила в этой избаушке Семаргала не одна, а с немой девочкой, которую называла внучкой (но так ли на самом деле та была её внучкой, никто не знал). И ещё... у Семаргалы, помимо нескольких коз, трёх десятков кур и пары голосисто-задиристых петухов, имелось четверо иссиня-чёрных псов, которые обладали устрашающими размерами и являлись римскими бойцовскими мастифами. Как они появи-

лись у этой ведьмы, жившей в такой глуши, никто не ведал. А ведь эти псы разводились только римлянами.

Гости редко появлялись у Семаргалы и поэтому её исполинские псы зашлись в бешеном лае, увидев приближавшихся к избушке нескольких всадников. Их лай разнёсся по округе и эхо, где-то прятавшееся на дальнем краю обширного болота, его подхватило, и стало совсем после этого жутко.

Старая ведьма вышла на крыльцо и прищурилась, пытаясь разглядеть незваных гостей. А они остановились на значительном удалении, опасаясь взбесившихся бойцовских собак, которые запросто могли перегрызть горло не только лошадям, но и любому человеку, даже вооружённому всаднику. Римляне этих мастифов успешно использовали в войнах на протяжении нескольких веков.

– Что вам нужно?! – выкрикнула старуха. – Проваливайте! А то нашла на вас порчу или ещё хуже, какую-нибудь неизлечимую хворь...

– Осади своих чудовищ! – в ответ прокричал ей Хвалимир. И тут же он вдогонку выругался.

– А-а, это ты, красавчик... – наконец-то признала старая ведьма старейшину рода Дулёб. Она прикрикнула на своих великанов и те притихли и улеглись послушно в сторонке.

– Проходи... – проворчала старуха. – Не ждала тебя...

Грузный Хвалимир с трудом сполз с коня и приблизился к старухе.

– Что-то произошло? – спросила Семаргала у Хвалимира.

Тот в ответ не сдержался и про себя вновь выругался, а потом глухо и раздражённо произнёс:

– Может я пройду в избу? Что толку топтаться у порога?

– Ну, проходи, красавчик... – пропустила старуха нежданного гостя.

Хвалимир пригнулся и спустившись по ступеням, прошёл во внутрь избушки, но прежде велел сопровождавшим всадникам ожидать его.

Обстановка внутри избушки была чрезвычайно аскетичной, и я бы даже сказал совершенно убогой. Кривой стол, по существу трёхногий и сколоченный кое как, несколько обшарпанных лавок и чёрная от копоти печь. По углам завелась паутина и даже кое где просматривалась плесень. Всё убранство тускло освещалось единственной лучиной. Нигде не было ни одной приличной тряпки. Только на полу лежали потрёпанные козлиные шкуры. И такими же кое где были прикрыты стены.

Хвалимир огляделся, крикнул и продолжил:

– Мда-а-а, смотрю ничего у тебя не меняется... Ты одна? Никто нас не услышит?

– Никто.

И тут же послышался шум, а затем и надсадный кашель. Он раздавался где-то с верху, под самым потолком.

Хвалимир поднял голову и увидел девочку, которая лежала на печи.

– А она? – кивнул он в её сторону непокрытой головой.

– А-а, ну ты же знаешь, Хвалимир, она немая... Не опасайся её... – отмахнулась рукой старая ведьма.

Тогда Хвалимир продолжил:

– Семаргала, я тебя не обидел и хорошо заплатил, и ты мне после этого пообещала, что большинство старейшин поддержат не этого проклятого Драговита.

– Подтверждаю, ты не поскареничал, красавчик, в этот раз.

– Вот-вот! Сколько ты от меня получила зерна, вяленного мяса, соли и всего остального!

– А разве тебя старейшины не поддержали? – удивилась старая ведьма.

Хвалимир почесал мясистый нос с прожилками у крыльев и язвительно ответил:

– Хм, поддержали.

– Ну, вот видишь!

– Вроде бы...

– Вроде бы? Ну, а как это понять?

– А та-а-а-ак... Поддержала во всяком случае некоторая их часть... Но какая? Поддержавших оказалось не семнадцать, не девятнадцать, а всего... всего – тринадцать. Триина-адцать... Из двадцати пяти.

– Ну всё-таки их же больше было...

– Ха-а-а! Но это мне на самом деле ничем так и не помогло.

– Почему?

– Проклятье! Да потому, – начал кипятиться и выходить ещё больше из себя Хвалимир, – что это оказалось не подавляющее большинство старейшин. Ты понимаешь? И тогда князь сослался на то, что у него ещё есть возможность обратиться ко всем воинам... через головы нас, старейшин карпов...

– И что?..

– А то, что ему удалось заручиться поддержкой большинства карпских воинов.

– Ты что же, этого от него не ожидал, красавчик?

– Ну, как сказать? Да, на самом деле не ожидал. Я не думал, что он добьётся созыва Собрания всех воинов, однако Драговиту удалось меня перехитрить. Он заручился заранее поддержкой старших дружинников. Да и волхв Богумил и воевода Ратибор встали на его сторону. – И старейшина рода Дулёб в сердцах махнул рукой. – А-а, проклятье! Всё пошло не так, как должно было пойти! Весь мой замысел разрушился. Теперь под руку князя собирается внушительная дружина... Почти все карпские вои. Ну и что мне теперь делать, Семаргала? А если у Драговита всё получится? Тогда он наберёт ещё большую силу и власть княжескую сделает совершенно неограниченной. И начнёт окончательно нами помыкать.

Старуха в досаде крякнула и немного подумав, произнесла:

– А может князя нам того...

– Что того?

– Может... мо-о-ожет нам его... отравить? У меня есть для этого зелье, и оно действует постепенно... Никто и не заподозрит тебя в его отравлении, красавчик.

– О-отравить его?

– Ну, да.

– Нет, не стоит... – не согласился с ведьмой Хвалимир. – Это мало что даст.

– Почему?

– У Драговита уже подрос щенок. Мы только расчистим дорогу его старшему отпрыску... Воиславу. А он тоже уже стал... ого-го! И за него будут стоять и Богумил, и Ратибор. В этом я теперь несколько не сомневаюсь. Тут надо поступить похитрее... Как-то по-другому...

Старая ведьма и Хвалимир надолго замолчали. И оба задумались.

Наконец, Хвалимир произнёс:

– Что-то в горле пересохло... У тебя что-нибудь найдётся? Дай горло чем-нибудь смачить?

Семаргала велела внучке принести кваса. Та подчинилась, слезла с печи и принесла и поставила на стол кувшин. Старейшина рода Дулёб сам себе налил квас в кубок и с жадностью тремя глотками его выпил.

– Я, кажется, знаю, что можно сделать, красавчик! – произнесла вдруг старуха.

– Ну-у... – выжидающе уставился на неё Хвалимир.

– Нам помогут сарматы!

– Са-а-арматы?!

– Да! Надо заручиться их поддержкой, – ответила старейшине старая ведьма.

Тут самое время кое-что объяснить.

В чём заключалась глубокая размолвка, возникшая уже давно между князем Драговитом и старейшиной Хвалимиром? И почему они друг друга не то что не переносили, а, в конце концов, возненавидели?

Княжеская власть у венедов и склавинов, а затем и у карпов в последние несколько десятилетий неуклонно усиливалась, и теперь она была не выборной, а передавалась по наследству, от отца к старшему сыну, и это очень не нравилось некоторым старейшинам. Они не привыкли беспрекословно подчиняться кому-либо. Вот недовольных и собирал вокруг себя Хвалимир. Поэтому-то его размолвка с князем и не была случайной.

Хвалимир создавал князю и всем, кто его поддерживал, оппозицию.

То есть, Хвалимир и те старейшины, которые заняли его сторону, надеялись ограничить княжескую власть и желали вернуться к стародавним обычаям. К тем, при которых даже верховными богами у праславян являлись не нынешний Перун Громовержец, а Сварог (иначе его ещё называли Родом) и Велес, а это были самые древние боги праславян.

Хвалимир, и те кто стоял за него горой, тянули карпов в прошлое.

Глава вторая

А теперь обратимся к сарматам.

Почему у Семаргалы и Хвалимира речь зашла о них? Да потому, что слава о сарматах гремела на всю Европу.

Сарматы тогда считались самым воинственным народом.

Так у них каждый юноша, достигнув семнадцати лет и пройдя обязательный обряд инициации, не сомневался, что счастье обретёт лишь тогда, когда не обессиленным и больным стариком, а ещё молодым и полным сил мужчиной испустит дух в каком-нибудь сражении. Это были не только кочевники, это были и прирождённые воины. Причём, каждый сармат. И даже воинами являлись их жёны и сёстры.

Сарматы занимали огромную территорию, простиравшуюся от дельты Данувия (Дуная) и до засушливых берегов Аральского моря. В более раннюю эпоху древние авторы (в частности, тот же грек Геродот) их называли несколько иначе – савроматами. И они распадались на несколько крупных племенных союзов.

Западные сарматы делились на роксоланов и язигов. Последние вообще пройдя через северные области Дакийского царства, проникли далеко на Запад, и заняли междуречье Среднего Данувия и Тиссии. В конгломерат восточных сарматов входили племенные союзы аланов, аорсов, сираков, уругов и саков.

Чем же сарматы отличались от скифов?

Ну прежде всего замечу, что скифы и сарматы были очень похожи. Они говорили по сути на одном языке и у них было много общего в обычаях. Только у сарматов эти обычаи считались более архаичными, что ли.

А ещё скифы и сарматы являлись соседями.

Примерно до IV века до новой эры скифы занимали широкую степную полосу к северу от Понта Эвксинского (Чёрного моря) и до Танаиса (Дона). Ну а к востоку от Танаиса кочевали уже сарматы.

В период нашествия персидского царя Дария I в Скифию сарматы выступили в качестве союзников своих западных соседей. Сарматские отряды воевали на стороне скифов, а скифские женщины, старики и дети находили убежище в сарматских стойбищах. По существу, сарматы обеспечивали тылы скифам, пока те заманивали в глубь своих степей многотысячную персидскую армию.

После того, как Дарий I, ничего не добившись, вынужден был повернуть назад, мощь скифов усилилась и они стали совершать нападения на земли, лежавшие к западу от Скифских владений. А это были земли фракийских, паннонских и восточно-кельтских племён. И вскоре это привело к столкновению скифов с Македонией. Ну а Македония в то время между прочим представляла из себя крепкий орешек, и разгрызть её было ой как нелегко! Потому что правили ею не

кто-нибудь, а Александр Великий и его преемники, полководцы-диадохи, сумевшие покорить всю Азию и Северо-Западную Индию.

После ряда войн, причём не всегда удачных, скифы понесли тяжёлые потери, и соответственно мощь их ослабела. И этим сразу же воспользовались восточные соседи и родственники скифов. Сарматы как будто очнулись от вековой спячки и начали экспансию на Запад, за Танаис.

В конце концов сарматы загнали соседей скифов в Крым и заняли все остальные принадлежавшие ранее им степи.

Это произошло примерно за три века до описываемых событий.

Солнце стояло в зените и если на него посмотреть прямо, то оно сразу же ослепляло глаза.

Было совершенно тихо. Ни одного дуновения ветерка. Только в траве потрескивали кузнечики. Но вот на горизонте появилось что-то подозрительное...

Тагасий выехал на самую вершину холма, приставил ладонь к переносице и устремил взгляд в даль. Со стороны Пирита (так тогда назывался Прут) поднялось облачко пыли. Кто-то явно направлялся в их сторону.

Тагасию было лет двадцать, и он являлся сыном Фарзона, верховного вождя западного сарматского союза племён – воинственных роксоланов. Тагасий со своими людьми возвращался с охоты. Он третий день гонялся за матёрыми секача-

ми и так увлёкся их преследованием, что углубился далеко на север и достиг пределов роксоланских владений. И теперь уже надумал возвращаться с добычей в ставку.

К Тагасию обратился его друг и телохранитель, тоже молодой человек примерно тех же лет из племени роксоланов, которого звали Скилом. Юноша-телохранитель был физически развитым и таким же светловолосым, как и Тагасий (а ещё бросалось в глаза, что у него был деформированный и удлинённый череп, как, кстати, и у самого Тагасия, и у верховного вождя Фарзона; так обычно выглядели многие сарматы), но он, поверх кожаной куртки, облачён был в чешуйчатый панцирь и сжимал в руке длинное сарматское копье. Надо ещё сказать, что роксоланы в большинстве своём были светловолосыми (и не случайно их поэтому звали «светлыми аланами»).

Скил поинтересовался:

– Это всадники... Но не наши. Чьи тогда они? Что им надо?

– Не знаю, не знаю... – произнёс Тагасий. – Как ты думаешь, сколько их, Скил?

Скил прищурился и ответил:

– Ещё трудно разобрать.

– Ну, всё-таки?

– Судя по поднятой ими пыли... я, думаю, что их больше чем нас.

Тагасий похлопал по шее своего скакуна и произнёс:

– Встретим гостей.

– Как скажешь, – не стал возражать сыну верховного вождя роксоланов его телохранитель.

Тагасий велел сопровождавшим его роксоланам на всякий случай приготовить оружие, прежде всего луки, и достать из саадаков (колчанов) по стреле, и ждать дальнейших указаний. Вскоре можно было уже разобрать, что всадников было с два десятка.

Вот они остановились и от них отделился один. Тот, который был крайним.

Он приблизился на сотню шагов и стало ясно, что это были не даки, не бастарны или те же костобоки, а карпы.

На всаднике была одежда не сарматского и не дакийского покроя, и ещё был характерный для карпской родовой знати головной убор, чем-то похожий на скифский войлочный колпак (у карпов, как и у всех праславян, до сих пор было популярно всё скифское).

Карп на ломанном сарматском прокричал:

– Мы есть послы! Мы хотим направиться в ставку верховного вождя Фарзона!

– От кого вы? – в свою очередь выкрикнул Тагасий.

– Мы от старейшины рода Дулёб...

– А-а-а... Вы от Хвалимира?

– От него!

Тагасий жестом дал понять, что карпов роксоланы пропустят и проведут до своей ставки.

Ставка верховного вождя роксоланов располагалась в том месте, где расширявшийся Борисфен (так назывался тогда Днепр) впадал в Понт Эвксинский. Ставка устроена была на высоком холме и дополнительно её окружали ров, вал и двойной частокол, причём первый ряд его был устроен под наклоном (так делали только язиги и роксоланы). Внутри находилось около двенадцати сотен шатров и в центре возвышался самый большой, в котором располагался сам верховный вождь всех западных сарматов.

Фарзону доложили, что от соседних карпов прибыло посольство. Но роксолан не сразу принял его. Он решил сначала переговорить с Эмилием Павлом, римским купцом и по совместительству послом, отправленным к роксоланам наместником Вифинии по поручению самого императора Рима Марка Ульпия Траяна.

Эмилий Павел опередил карпов всего-то на пару дней. Его три триремы со спущенными парусами сейчас качались на волнах неподалеку от ставки и который день рабы разгружали привезённый из империи товар – вино, оливковое масло, зерно и ювелирные изделия, и этим всем римляне снабжали западных сарматов.

Фарзон восседал на переносном бронзовом троне, когда-то принадлежавшем одному из скифских правителей, и пил из золотой чаши вино, когда к нему вошёл римский посол. Он поклонился верховному вождю и, подогнув под себя

по-скифски ноги, разместился на дорогом персидском ковре.

Фарзон и Эмилий Павел давно друг друга знали, и поэтому верховный вождь западных сарматов сразу же перешёл к делу:

– Ты доставил мне всё, что я заказывал? – спросил он.

Фарзон говорил на греческом. Матерью Фарзона была гречанка, и поэтому он свободно мог изъясняться на этом языке.

– Всё! Что ты и хотел. А оплата будет, как всегда? – уточнился римлянин. Эмилий Павел тоже неплохо знал греческий, так как пол жизни провёл не в Италии, а на Востоке империи. Сейчас его дом находился на южном берегу Понта Эвксинского, на Боспоре, а точнее в Халкедоне, который располагался напротив Византия.

– Да! Оплата будет та же.

– Опять рабы?

– Они в ставке и приготовлены.

– Надеюсь они мне понравятся...

– Понравятся, разумеется. Даже не сомневайся. Думаю, ты никого не забракуешь, как в прошлый раз... Между прочим, там много молодых девок, которым всего-то тринадцать-пятнадцать лет. Они девственницы, я запретил их трогать. И среди них много вполне пригожих. Можешь убедиться, у них нежнейшая кожа и толстые претолстые косы. Эти девицы сумеют развлечь в постели любого, – ответил рим-

лянину верховный вождь роксоланов.

– Пленники откуда? – переспросил Эмилий Павел.

– Из разных мест, – уклончиво ответил Фарзон. – Даже есть такие, которые попали к нам из далека, с Рипейских гор (Уральские горы), и с берегов Даика, реки дахов (нынешняя река Урал). Да, кстати... Этим утром ко мне в ставку заявились послы... И от кого бы ты думал? – произнёс Фарзон как бы мимоходом и при этом кинул испытующий взгляд на римлянина.

– От дакийского царя? – предположил Эмилий Павел.

Фарзон покачал головой:

– О, не-е-ет! От Децебала посольство уже у меня побывало.

– Во-от, как?! И когда же? Что Децебал хотел? – не сдержался и проявил повышенный интерес римлянин. – Царь даков запросил у тебя, наверное, помощь?

Фарзон подтвердил это, но только лёгким кивком головы. И тут же верховный вождь роксоланов предложил римлянину вина.

Эмилий Павел не отказался, однако попросил его разбавить водой, так как не привык пить его по-варварски.

Рабы принесли разбавленное вино и налили его в круглую серебряную чашу. Римлянин отпил вино и выжидающе уставился на верховного вождя, а тот, посчитав что достаточно затянул с ответом, и добился желаемого результата, наконец-то, произнёс:

– Даки появились не случайно в моей ставке. Они действительно попросили, чтобы я им пришёл на помощь и выделил несколько тысяч воинов...

– И ты?

– Я им в их просьбе не отказал...

– Получается, ты будешь дакам помогать?!

– Совсем нет...

– Я не понял тогда тебя... – Эмилий Павел был немного сбит с толку.

Ну а Фарзон продолжил:

– На самом деле я ничего определённого им не пообещал.

– И как ты тогда поступишь, Фарзон?

– Я? Я ещё подумаю... – пожал плечами верховный вождь роксоланов.

Фарзон давно являлся не порывистым и горячим юнцом, а умудрённым жизненным опытом правителем воинственного кочевого народа, и он прекрасно понимал, что раньше времени нет необходимости раскрывать все планы. А ещё он понимал с кем сейчас разговаривает. Он знал, кто перед ним находится. То есть, роксолану давно было известно, что Эмилий Павел являлся не только купцом, но также был и разведчиком.

Фарзон сейчас невольно вспомнил Нижнюю Мёзию, долину у Адамкиси, и как он там во главе роксоланов встретился с двумя римскими легионами, которыми командовал наместник Нижней Мёзии.

Это было в декабре. Где-то четыре года назад. Тогда стоял сильный мороз. Данувий стянуло льдом. Роксоланская конница воспользовалась этим и перешла по льду на правый, римский берег. И вот после этого... Да-а-а уж, это были не самые приятные воспоминания. В сражении у Адамкиси верховный вождь роксоланов потерял двух сыновей. По началу ему казалось, что он будет мстить за их гибель. Однако постепенно боль от их утраты притупилась.

Немного подумав, верховный вождь западных сарматов нахмурился, затем как-то криво и натянуто улыбнулся, и тут же стряхнул замороченную улыбку и продолжил:

– Ещё многое будет зависеть и от того, с чем ко мне пожаловали другие соседи... Я имею ввиду карпов и уличей. Посольство от них заявилось только что. Хотя знаешь, Павел, ты не переживай, – неожиданно решил поставить все точки над «I» Фарзон, – я не слишком горю желанием сориться с вашим нынешним императором. И сказать почему?

– Объясни?

– А потому... что, хотя у меня и есть причины не любить вас, римлян, но с вами выгоднее дружить. И в отличие от прежнего вашего правителя, Домициана, к нынешнему я отношусь совсем по-другому.

– И как же ты к нему относишься?..

– Я нынешнего повелителя Рима уважаю. Клянусь священным огнём! Потому что он – воин! И знаешь, что... Я не буду помогать Децебалу. Пусть уж царь Дакии выбирает-

ся сам из той трясины, в которую угодил. Однако признаюсь тебе, Павел, меня всё-таки интересует, что же уличи хотят от роксоланов...

Глава третья

А теперь мысленно перенесёмся через побережье Понта Эвксинского, переправимся через многорукавную дельту Данувия, где всегда отдыхают тысячи перелётных птиц, и отправимся к дакам.

Справедливости ради зададимся вопросом: а что мы о них знаем?

Так вот, в основном об этом народе нам известно из упоминаний о нём, оставленных древнегреческими и римскими авторами. Но те узнали о даках достаточно поздно. Произошло это примерно в конце V века до новой эры.

Тогда племена даков занимали обширную территорию к северу от Данувия в среднем его течении, и междуречье Пирета и Данастрия, а также отроги лесистых Карпских гор (то есть Карпаты). К югу от даков и вплоть до Балканского хребта обитали родственные им геты, и вместе с даками они составляли группу северофракийских племён.

Даки и геты говорили на одном наречии и были очень близки к друг другу.

Согласно преданиям, у даков раньше было иное имя, а вот более позднее, по которому они нам известны, заполучили они от дахов. Даки переняли у представителей этого племени и родовой тотем, которым являлся волк. И после этого на знамёнах дакийских воинов стал изображаться не только ог-

недышащий и с развивающимся хвостом дракон, но и голова свободолюбивого хищника.

А откуда тогда появились уже эти дахи?

Они пришли в Восточную Европу из засушливых степей Центральной Азии. А ещё точнее – из Приаралья. Между прочим, сильнейшее племя дахов (парны) основало могущественную Парфянскую державу, на протяжении нескольких веков являвшуюся главным соперником Рима.

Пришельцы были малочисленны и быстро растворились в массе более многочисленного местного населения, но так как они составили верхушку общества, то их имя перешло и на всех фракийцев, проживавших к северу от Данувия.

Территория позднейшей Дакии уже в начале I тысячелетия до новой эры была сравнительно развитой. Этому способствовали благоприятный и вполне мягкий климат, позволявший собирать изобильные урожаи пшеницы и ячменя, и наличие разнообразных полезных ископаемых, включая месторождения свинца серебра, железных руд и так ценившихся в древности каменной соли и золота. В иные годы золота намывали в Дакии даже больше, чем в Лидии или в той же Нубии.

Но всё равно, ранние государственные образования на этой территории возникли гораздо позже, чем у одрисов и прочих южных фракийцев, и произошло это не ранее VI века до новой эры.

По началу это были скорее ещё не полноценные государства, а племенные союзы или по-другому сказать, княжества. Однако их владельцы уже заимели свои замки и обзавелись дружинами.

На первом этапе объединителями северных фракийцев выступали не даки, а родственные им геты. Назову в качестве показательных примеров наиболее предприимчивых вождей гетов. И прежде всего это оказались в III веке до новой эры Дромихет, и спустя примерно век Орол. Однако у них так и не получилось на прочной основе объединить гето-дакийские племена. Так что только ещё век спустя возникновению собственно Дакийского царства способствовало правление уже следующего князя, которого при рождении нарекли Буребистой.

Вот кто стал главным героем гето-даков! Его деяния северные фракийцы никогда не забывали.

И он при жизни уже стал для них настоящей легендой.

Отцом Буребисты был один из мелких владельцев гетов по имени Даписк.

О Даписке мы толком ничего не знаем. Могу только сказать, что он мало что совершил примечательного и рано ушёл из жизни, так как истово поклонялся Вакху и поэтому беспробудно пил.

После ухода отца в царство теней его место занял несо-

вершеннолетний Буребиста.

Этому по сути тогда ещё мальчонки пришлось ох как не сладко. И от того он быстро повзрослел. Но правильно говорят, что беды слабого ломают, а сильного закаляют. И потому, этот прежде времени возмужавший юноша, испытавший много опасностей и переживший не один заговор против себя, спустя несколько лет в итоге утвердился в Сармизегетусе и одел на голову диадему. А затем Буребиста подчинил себе все прежде разрозненные и враждовавшие между собой племенные княжества и провозглашён был царём.

Первым по-настоящему обще дакийским.

Произошло это между 82 и 70 годами до новой эры.

Так у даков появилась своя полноценная и мощная держава. Между прочим, самая сильная в Восточной Европе, которая простёрлась от Понта Эвксинского и до верховьев Вистулы (нынешней Вислы).

Для объединения даков и гетов, Буребиста потратил более двенадцати лет. Он действовал чрезвычайно напористо и не останавливался ни перед чем. В этом деле он использовал не только волевые черты характера и воинские способности, но и политическую мудрость и изощрённость, а ещё он привлёк на свою сторону религию. Да, да, и её!

Он воспользовался только что зародившимся новым религиозным течением, а вернее культом, объявлявшим главным и единственным богом Замолксиса, поклонение кото-

рому в это самое время стал проповедовать жрец, звавшийся Декенеем.

Бурбиста познакомился с ним и сумел привлечь его к себе. Новое верование объявили главенствующим на территории Дакийского царства.

Об этом проповеднике я сейчас и расскажу...

Род Декенея был не простым, а восходил к верховным жрецам гетов.

Однако Декенею мало было узнать религиозные воззрения сородичей, он рос крайне любознательным мальчиком, который как губка впитывал всевозможные знания. Но когда он всё что мог на родине постиг, то подался на чужбину, в далёкую Грецию, которая тогда уже прославилась своими школами, и где преподавали знаменитые учёные и натурфилософы. В Греции Декеней познакомился с учением Пифагора, а потом, после нескольких лет пребывания в Афинах, отправился морем в Египет.

В Египте Декеней тоже провёл не один год, и тоже почерпнул там много древних знаний. Для этого он даже выучил древнеегипетскую письменность и подружился с некоторыми египетскими жрецами.

И вот, набравшись знаний за морем, в Греции и Египте, Декеней вернулся на родину и стал проповедовать новое учение. В чём же заключалась суть его?

А в том, что он объявил всех древних богов вымышленными

и недействительными, включая и особо почитавшегося фракийцами покровителя виноградной лозы Диониса (у римлян тот звался Вакхом), и стал утверждать, что миром может править только один бог, и зовут его Замолксисом.

Ну а кем же был этот самый Замолксис?

О нём тоже необходимо рассказать... И вы поймёте, почему?

Происхождение Замолксиса для бога было очень и очень необычным... Потому что он, по-видимому, был реальным человеком. Сейчас я всё подробно постараюсь объяснить...

У даков бытовало предание, что первым их царём являлся некто Замолксис.

И что именно этот Замолксис основал их царство. Произошло это в VI веке до новой эры. Вот его то Декеней и объявил не обычным человеком, а всемогущим богом. А ещё Декеней стал заявлять, что у Замолксиса имелись помощники – незаменимые Гебейлезис и Бендис, которые имели если и не божественную, то полу божественную природу.

Буребисту в вероучении Декеней привлекало прежде всего то, что оно было до самых мелочей продуманно. И ещё то, что в нём резко порицалось употребление вина и различных галлюциногенных растений, а ведь у самого гето-дакийского правителя отец рано ушёл из жизни, и случилось это только потому, что он проявлял неутомимость в вакхических обрядах. Буребиста это до последних своих дней помнил.

Ну и ещё по нраву Бурбисте было и то, что новый культ организовывал народ, в какой-то мере приучал его к аскетизму и поощрял послушание старшим и дисциплину.

Вообще, Декеней во многом в своём учении повторял иранского пророка Зороастра, жившего за шесть веков до этого.

И поэтому, при поддержке Бурбисты, учение о едином боге, вроде бы основавшем Дакию, достаточно быстро укоренилось среди северных фракийцев.

После того, как Бурбиста возвысился, он стал действовать ещё более решительно.

Он сразу же издал три указа.

Первым он запретил обращать в рабство любого дака или гета. А те из них, кто оказались в незавидном положении, подлежали немедленному освобождению, причём без всякого выкупа.

Вторым он запретил своим подданным употреблять вино и повелел в пределах Дакийского царства вырубить под корень все виноградники.

И третьим указом, на тот момент самым важным, он повелел дакам и гетам оставить все суеверия и перестать поклоняться прежним богам, и провозгласил, что есть только один бог, и зовётся он Замолксисом!

А ещё Бурбиста начал готовится к неизбежному столкновению с наиболее грозным на тот момент врагом.

И этим врагом, конечно же, являлся Рим.

Рим в то время представлял из себя уже огромную могучую державу, и из-за своей агрессивной сущности порождал смертельную угрозу не только для фракийцев, но и для всех других ближних и дальних соседей.

Впрочем, тут на руку Бурбисте сыграли проблемы, которые внезапно возникли у самого опасного врага.

Как раз в Италии в это время разгорелось восстание рабов во главе с бывшим гладиатором Спартаксом. Восстание это охватило почти всю Италию и продлилось три с половиной года. Беглые рабы и бывшие гладиаторы не раз громили хваленные римские легионы, и даже подходили к Вечному городу, и их восстание казалось настолько мощным, что настал момент, когда многие уже думали, что Великий Рим не выдержит противостояние со Спартаксом и рухнет. И только собрав почти все силы, Рим с невероятным напряжением подавил грандиозное восстание рабов во главе с бывшим гладиатором и по происхождению фракийцем.

Но не успел орёл Рима отпраздновать триумф, как новая для него напасть выросла уже на Востоке...

В правление энергичного царя Митридата VI Евпатора в Малой Азии поднялось на вершину могущества Понтийское царство. Оно настолько стремительно усилилось, что Риму пришлось отвлечься на него и провести с Митридатом

несколько изнурительных войн. Для того, чтобы обезопасить свои провинции в Греции и Западной Малой Азии. Однако понтийский царь так до конца и не был повержен. Более того, потерю западных земель он компенсировал присоединением к своим владениям Боспорского царства, располагавшегося на северном побережье Понта Эвксинского.

Все эти события дали Буребисте драгоценное время. И он это время использовал для укрепления Дакийской державы и прежде всего для реформирования своей армии.

Армия Буребисты была перевооружена и численность её он довёл до двухсот тысяч человек. И это позволило Буребисте приступить к наступательным действиям.

Он перешёл на южный берег Данувия и без особых трудностей захватил все земли до Гема (нынешнего Балканского хребта). Затем распространил свою власть на Паннонию, и на Север и Восток. А на Западном побережье Понта Эвксинского были захвачены многочисленные греческие колонии. От Ольвии и до Аполлонии.

В результате всех этих походов образовалась обширная держава с гето-дакийским ядром и с населением в семь миллионов человек (подданными Буребисты уже стали не только фракийцы, но и кельты, и германцы, и греки, и даже те же праславяне, карпы, и частично склавины). Держава даков при Буребисте стала второй по моще в Европе, и уступала только Римской империи. Дело дошло до того, что, когда

в Риме разразилась Гражданская война уже между Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем, Буребиста посчитал, что может вмешаться и в неё.

Буребиста, после некоторых колебаний, занял сторону Гнея Помпея.

И просчитался.

После того, как Гней Помпей в конечном итоге проиграл борьбу за власть и погиб, Цезарь собрался поквитаться с опасным даком. Он набрал новые легионы и строил планы по вторжению в державу Буребисты, но так и не успел их осуществить, потому что был заколот кинжалами заговорщиков.

И получается счастливчик Буребиста вновь избежал прямого столкновения с Римом!

Впрочем, Буребиста рано торжествовал и испытывал удовлетворение, потому что усиление его царства по-прежнему беспокоило Рим, и тот продолжал действовать...

Стараниями Рима в Дакии вспыхнул мятеж, который устроила недовольная дакийская знать. И в результате этого мятежа Буребиста, как и Цезарь, был предательски убит, а его обширная держава распалась на части. Вначале их было четыре, а потом стало пять.

И произошло это в 44 году до новой эры.

Глава четвёртая

Только при третьем после Буребисты царе Скорилле обстановка в царстве стабилизировалась. Скорилла правил долго (свыше четырёх десятилетий) и при нём в царстве даков было всё относительно спокойно, если не считать нескольких приграничных конфликтов, в том числе и с римлянами.

Ему наследовал его брат Диурпаней.

В это самое время в Риме вновь накалилась обстановка и опять стало крайне тревожно.

На этот раз причиной внутренних потрясений стал Нерон...

Этот матереубийца и выживший из ума принцепс, возомнивший себя великим актёром и полюбивший лицедейство на театральной сцене, был свергнут и в Римской империи началась очередная Гражданская война. Империю не шуточно затрясло. На верховную власть свои притязания почти одновременно заявили сразу четыре претендента: Гальба, Отон, Вителлий и Веспасиан.

Диурпаней решил этим воспользоваться...

Зимой 69 года новой эры, собрав внушительную армию, в которую вошли не только дакийские отряды, но и сарматские и кельтские союзники, он вторгся в римские пределы.

Диурпаней вознамерился в воинской доблести превзойти если уж не Александра Великого, то хотя бы соотечественника Буребисту, но, увы...

В Мёзии римляне исхлестали его по щекам и нанесли ему жесточайшее поражение. Нанёс его дакам наместник Сирии Гай Лициний Муциан, который проходил через Мёзию со своими легионами, направляясь на помощь сторонникам Веспасиана в Италии.

И после этого Диурпаней вынужденно отступил за Данувий.

Почти 16 лет ничего особенного не происходило между Римской империей и Дакийским царством, если не считать мелких набегов даков на приграничные римские области, но в 85 году новой эры всё изменилось...

И последовавшая цепь событий привела к тому, что Диурпаней добровольно передал власть не кому-либо из ближайших родственников, а Децебалу.

Почему Диурпаней так поступил?

Чтобы понять этот его шаг, нам следует лучше познакомиться с самим Децебалом...

Кто такой был Децебал?

Нам известно, что он родился в 49 году новой эры. Поговаривали, что его отцом являлся один из дальних родственников тогдашнего царя Скорилла, то ли его троюродный, то ли даже четвероюродный брат, но этот родственник был не

чистым даком, а у него имелось много привнесённой дахской крови. И Децебал всегда гордился, что он тоже наполовину дах.

Децебал рано проявил воинскую доблесть.

Лет в семь он уже метко стрелял из лука и лучше всех сверстников фехтовал на деревянных мечях. В семнадцать же он как зрелый муж смело объезжал самых горячих скакунов. Ну а в двадцать его поставили командовать отрядом из трёхсот отборных дакийских воинов, которые выполняли многие обязанности: они охраняли особу царя, были разведчиками и им поручались самые дерзкие и опасные военные операции. А ещё этот отряд охранял дворец дакийских царей.

Их называли на персидский манер «бессмертными», потому что взамен выбывших по какой-либо причине из этого отряда воинов приходили новые, и их всегда было триста.

Вскоре Децебала вообще признали одним из лучших воителей среди даков. Однако окончательно его звезда взошла только в 85 году новой эры...

Ему уже исполнилось 36 лет, и он был зрелый муж.

В тот год тогдашний дакийский царь Диурпаней решил развязать очередную войну с Римом, чьи владения подобралась к Данувию, и эта река на протяжении уже нескольких десятилетий являлась границей между Дакией и так называемым Римским миром, «PAX ROMAE».

Диурпаней в начале лета 85 года новой эры переправился с 40-тысячной армией через Данувий и вторгся в римскую Мёзию. Здесь он встретился с армией наместника Мёзии Гая Оппия Сабина, состоявшей всего из двух легионов, V Македонского и I Итальянского.

Римляне были разбиты. Даки продолжили развивать своё наступление и вскоре вся Мёзия, вплоть до Балканского хребта, оказалась в их руках.

Когда ужасная весть о постигшей римлян катастрофе на Балканах достигла Вечного города, на экстренном заседании сената было принято решение, что правивший тогда в империи Домициан должен возглавить поход против варваров. И Домициан согласился с таким решением сената, но фактически карательной экспедицией руководил префект Претория (корпуса телохранителей) Корнелий Фуск.

С тяжёлыми боями Фуску удалось вытеснить варваров за Данувий и только после этого Домициан вернулся в Рим.

В столице по этому поводу не преминули провести пышный триумф.

Ну а префекту Претория было приказано переправиться на левый берег Данувия и бить варваров уже на их территории.

В это время власть над Дакией перешла от Диурпанея к Децебалу.

Почему так произошло?

А потому, что этого потребовали многие из окружения дакийского царя, и он, после понесённых поражений и пребывавший в глубокой и длительной депрессии, с этим решением царского совета согласился и добровольно, чтобы сохранить себе жизнь, передал диадему своему наиболее удачливому и популярному военачальнику.

Даки надеялись, что Децебал именно тот человек, который сможет спасти их царство.

И в Децебале они не ошиблись.

Глава пятая

Экспедиционный корпус римлян не превышал 15 тысяч воинов. Децебал поначалу попытался завязать с Фуском переговоры и уладить разгоревшийся конфликт миром, но римляне ничего не хотели слышать о переговорах.

По наведённому понтонному мосту корпус Корнелия Фуска переправился на левый берег Данувия и вторгся в глубь Дакии. Децебал, к этому времени возглавивший армию, не стал препятствовать заносчивому врагу и начал отступать. Он намеренно заманивал римлян в глубь Дакии. Наконец, в горных теснинах в самом сердце Дакии, неподалеку от того плато, где располагалась её столица, у перевала Бауты, экспедиционный корпус Фуска столкнулся с основными силами армии варваров. Здесь для римлян была устроена ловушка.

Ущелье Бауты – довольно-таки примечательное. Оно глубокое, очень вытянутое и в нескольких местах сужается и становится совсем узким. А ещё, из-за того, что над ним поднимаются отвесные вершины, в нём случаются частые камнепады, да их легко при желании и самим устроить, и это ущелье ещё характерно и тем, что у его выхода очень резкий и крутой подъём. В последовавшем кровопролитном сражении почти весь экспедиционный корпус префекта Претория Фуска пал. Легионеров, скученных и зажатых со всех сторон, расстреливали не торопясь, словно беззащитных куропаток

на охоте. Для римлян это была уже вторая катастрофа, связанная с даками, не менее громкая и чувствительная, чем та, что случилась ранее с наместником Мёзии Гаем Оппием Сабинном.

Вновь в руки торжествующих даков попали знамёна и воинские знаки разбитых римских подразделений, включая серебряного орла V легиона Жаворонков, который полностью оказался уничтоженным. Так же даками было захвачено много римского военного снаряжения, и в том числе метательные дальнобойные катапульты, скорпионы и прочие сложные по своей конструкции аппараты, о которых даки прежде и не подозревали.

Вся Балканская граница вновь рухнула, и война с даками возобновилась с новой силой.

Домициану опять пришлось спешно отправляться на Балканы.

Для спасения римской славы выбор пал на Теттия Юлиана. Он должен был погасить стремительно разгоравшийся пожар.

Это был один из самых опытных римских полководцев во время правления Флавиев. Карьера его началась ещё при Клавдии, и он был ближайшим другом и соратником Веспасиана. За ним тянулся длинный шлейф побед, он так же проявил себя в Нумидии и в деле против роксоланов, и потому принцепс Домициан ему всецело доверился.

Сенат единогласно одобрил это назначение.

Легат Теттий Юлиан выступил в 86 году новой эры в глубь Дакии.

Продвижение его легионов было медленным и крайне осторожным, и римлянам приходилось постоянно отражать дерзкие вылазки варваров. Но вот уже под Тапами, совсем неподалеку от Сармизегетусы, Децебал наконец-то приостановил своё отступление и принял решение дать генеральное сражение.

Сражение под Тапами оказалось крайне кровопролитным, и продлилось несколько дней. С обеих сторон погибло много тысяч воинов. Но римляне всё-таки взяли верх. Впереди уже находилась вожденная цель – столица Дакийского царства. Однако римляне неожиданно приостановили своё продвижение к сердцу Дакии.

А причиной, по которой они вдруг стали сговорчивыми и согласились на мирные переговоры, оказалось событие, случившиеся за полторы тысячи миль от Дакии, на крайнем Западе империи.

В провинции Верхняя Германия поднял мятеж её наместник Антоний Сатурнин. При поддержке расквартированных в этой провинции легионов, и прежде всего XIV Парного и XXI Стремительного, он собирался пройти через Альпийские перевалы, ворваться в Италию и затем занять Вечный город и воссесть на трон.

Насколько в серьёзную смуту могли вылиться события в Верхней Германии тогда было трудно представить, находясь вдали от Италии. Однако Домициан из-за этой бузы изрядно напугался. И потому ему пришлось идти на уступки, чтобы переключиться на узурпатора, который к этому времени уже в Могонциаке (нынешний Майнц) окончательно распоясался и объявил себя новым принцепсом.

С Децебалом поспешно заключили мир.

Причём заключили его на почётных для даков условиях. Вёл переговоры от даков младший брат царя, Диэг.

И хотя Децебал признал свою зависимость от Рима, но это была пустая и ничего не значившая формальность. В качестве жеста доброй воли, Децебал передал Домициану захваченных в прежних нескольких войнах легионных орлов и знамёна, а также пленных римских легионеров. Однако часть пленных отказались возвращаться в империю и пожелали остаться в Дакии навсегда, и Домициан на это дал своё согласие. Более того, по заключённому мирному договору Домициан даже обязался субсидировать царство даков и присылать ко двору Децебала различных римских специалистов и ремесленников.

Так что этот договор Децебал мог для подданных представить, как свою победу и несомненную уступку дакам со стороны главного их врага. И хотя у узурпатора Сатурнина с его затеей ничего не выгорело и он, ещё находясь в своём

логове в Могонциаке, был подчинявшимися ему легионерами сташен с коня и тут же зарублен, и засолённую его голову в холщовом мешке отправили в Италию и бросили к ногам Домициана, но третий Флавий не стал отказываться от обязательств данных Децебалу.

Все пункты мирного договора остались в силе и продолжали исполняться.

Однако сенату, откровенно говоря, этот договор не пришёлся по душе, и превратился в бельмо на глазу. Многие степенные мужи посчитали его позорным, так как принцепс, по их мнению, уж слишком далеко зашёл в уступках каким-то там варварам.

В итоге всё свелось к тому, что в сенате составилсЯ заговор против Домициана.

И вскоре принцепс был убит, и заговорщики сенаторы выбрали из своих рядов нового правителя Рима, им стал престарелый сенатор Марк Кокцей Нерва. Впрочем, это не понравилось уже армии, и прежде всего гвардейцам-преторианцам. С их стороны в открытую начали раздаваться угрозы поднять мятеж и привести к власти своего ставленника. И тогда, опасаясь за свою жизнь, Нерва выбрал себе в соправители популярного в армии военачальника. Марка Ульпия Траяна.

Так неожиданно для очень многих римский военачальник средней руки стал соправителем могучей империи. А он к этому откровенно говоря и не стремился.

И буквально меньше чем через пару лет, после того как Нерва от болезни испустил дух, Траян стал окончательно хозяином всей громадной империи.

К I веку новой эры даков насчитывалось четыре-четыре с половиной миллиона. Больше было только греков, латинов, иберов и галлов. Получается, это был тогда пятый по численности народ в Европе, и надо признать, что по тем временам он был довольно-таки крупный. И хотя даки по-прежнему делились на племена, которых по разным оценкам древних авторов насчитывалось то ли одиннадцать, то ли тринадцать, но каждому даку было хорошо известно, где находилось сердце его страны.

А оно располагалось в труднодоступных горах, которые и сейчас называются Орэштийскими (или Орэшти).

В этих горах устроена была оборонительная система из замков и мощных крепостей, защищавших дакийскую столицу с четырёх сторон. Замков насчитывалось с дюжину, а вот крепостей было по меньше – пять. Ну а Сармизегетуса являлась по сути шестой и самой крупной, внутри которой находилась резиденция дакийских царей и их казна.

Добраться до столичной области было совсем не просто, так как находилась она высоко-высоко в горах и окружали её густые леса. А все дороги, ведущие к ней, были узкими и чрезвычайно извилистыми.

Ну а теперь пришла очередь подробнее описать столицу

Дакийского царства.

Она располагалась на искусственных террасах на южном склоне священной горы Когаионон. И поднималась к вершине этой горы, как бы постепенно, ступенями. Склоны этой горы поросли разлапистыми елями вперемежку со стройными соснами. Здесь же, но чуть выше Сармизегетусы, было устроено и главное святилище бога, покровителя даков. А ещё выше, чуть ли не под самыми облаками, находилась пещера, в которую вход простым смертным был воспрещён и в которой по убеждению даков обитал сам могучий Замолк-сис.

Столица была самым крупным поселением у даков. В ней тогда проживало около тридцати тысяч человек. Стены её были двойные, внешние состояли из бревенчатого частокола, а вторые, устроенные на значительном расстоянии от внешних, были вдвое выше и возвели их из массивных каменных блоков, и форму эта крепость имела шестиугольную.

В ней были Восточные и Западные ворота, а помимо этого над стенами возвышались восемь высоченных сторожевых башен. Особенно высокой была одна, располагавшаяся на юго-западе. Она называлась башней Гебейлезиса, и её высота достигала семидесяти локтей!

Внутри Сармизегетусы все строения были сложены исключительно из камня. Дома были скученные, однотипные, в двух или трёх уровнях, и каждый рассчитывался на одну

большую семью, и только исключения составляли с два десятка резиденций дакийской родовой знати и, конечно же, сам царский дворец. Чтобы представить, насколько развита была цивилизация даков, замечу, что тогда далеко не во всех римских городах были водопровод и канализация, а вот в Сармизегетусе они уже имелись.

Царский дворец смещён был к югу.

Выглядела царская резиденция хотя и внушительно, но довольно-таки мрачновато.

Она ничем не украшалась, ни колоннами, ни арками, ни скульптурами, на внешних её стенах не было фресок, и она устроена была в четырёх уровнях и походила скорее на крепость, потому что защищалась со всех сторон отдельной стеной. Высокая двухскатная крыша её главного здания была, как и у всех остальных домов, покрыта ярко красной черепицей. Внутри же располагалось пятьдесят залов, а ещё были подвалы и атриум – внутренний двор, пол в котором был выложен мозаикой, и в центре атриума устроен был облицованный глазурованной плиткой бассейн.

Сейчас у этого бассейна находился сам царь даков.

Обветренное с крупными и суровыми чертами лицо его было нахмурено. Царь теребил свою густую бороду, уже слегка посеребренную сединой. Децебалу шёл пятьдесят седьмой год, и он восседал на троне дакийских царей почти двадцать лет!

Царствование его оказалось беспокойным и очень бурным. На него пришлось несколько тяжелейших войн. И вот его царство оказалось на пороге новой войны... И опять это была война с могучей Римской империей.

От тягостных размышлений Децебала оторвала жена. Андрада, осторожно ступая, подошла к мужу и слегка тронула рукой его за плечо.

Не оборачиваясь он спросил:

– Что ты хотела?

– Тебя спрашивает твой брат...

Децебал обернулся:

– Где он?

– Диэг уже во дворце.

– Слава Замолксису! Значит он уже вернулся, живой и здоровый, – как бы размышляя вслух произнёс Децебал. – Благодарю, Андрада, за добрую весть! А то я уже думал, что с ним что-то случилось...

Андрада хотела позвать младшего брата мужа, но тот сам без приглашения вошёл в атриум. Децебал и Диэг обнялись.

На обоих братьях были обычные дакийские кожаные куртки и штаны, подпоясанные широкими ремнями и заправленные в остроносые мягкие сапожки, только у Децебала ремень был совсем широкий, с золотой бляшкой и расшит узором из бисера, а у его брата бляшка была поменьше и серебряная.

Диэг был младше царя на двенадцать лет.

Децебал был коренаст и по медвежьей силён и основателен, а вот глядя на его младшего брата можно было подумать, что они и не родные братья, и что Диэг совсем не дак. У него были длинные и завитые, как у изнеженных греков, волосы, в левом же ухе на сарматский манер сверкала серьга, а ещё у него почему-то не росла борода. Но Децебал, не смотря на некоторую с виду изнеженность Диэга, во всём ему доверял. Он поручал Диэгу даже вести ответственные и очень тяжёлые переговоры с римлянами.

– Ну, рассказывай... – с нетерпением обратился к Диэгу царь. – Что там на юге? Почему Котис так необдуманно поступил и напал на римский мост через Данувий и тем самым спровоцировал Траяна, и тот, воспользовавшись этим нападением, объявил войну?

– Вот, взгляни-ка... – Диэг протянул царю папирус.

Децебал развернул поданный ему папирус, и по мере его прочтения у него поднялась вначале одна бровь, а потом и вторая.

– Это что?! Здесь получается я приказываю Котису совершить нападение на римские укрепления и сжечь мост через Данувий?!

– И ещё царская печать скрепляла этот папирус. Понимаешь, именно твоя! Теперь всё понятно?!

Децебал на некоторое время потерял даже дар речи.

Наконец, он произнёс:

– Но это же...это же по-о-одлог!

– И я так думаю, – согласился с мнением Децебала Диэг.

– Необходимо выяснить, кто за этим подлогом стоит! – выражение лица Децебала стало ещё более мрачным и жёстким.

Глава шестая

После нескольких ожесточённых войн, построив впервые флот и перехватив гегемонию у Карфагена в Западном Средиземноморье, Рим стал наращивать мускулы, а уже через полтора века он не имел себе равных во всём Средиземноморье.

В это время он напоминал котёл с бурлящей жидкостью, которая не только нагревалась и постоянно переливалась через край, но и обжигала всех, кто пытался с ней хоть как-то совладать.

Вначале Италия, потом Балканы и Иберия, затем Малая Азия, Галлия, Сирия, Ливия, Египет, Британия, так по отдельным частям собиралась величайшая империя Древности. И это при том, что Риму присуще были постоянные смуты, заговоры, кровавые перевороты и Гражданские войны. Но всё равно, на протяжении пяти веков никто с ним не мог совладать. Рим был непобедим.

Конечно, находились отдельные отчаянные головы, смельчаки, такие как Ганнибал, Митридат Евпатор или Антиох III, однако у них ничего не получалось и они, обычно, плохо заканчивали.

И объяснение постоянным победам римского оружия было одно: на стороне Рима всегда были боги!

На вопрос: «а сколько же в Риме людей сумели одеть на свою голову императорскую диадему?» у современных историков есть вполне чёткий ответ. За многовековую историю Рима в нём правили 147 императоров.

Они были разные: порочные, как Калигула, ничтожные и развратные, как Гелиогабал, или как Гай Юлий Цезарь гениальные, но попадались и такие про которых мало что можно было сказать. Вот таким и являлся принцепс Марк Кокцей Нерва. А всё потому, что этот август был блеклой и весьма посредственной личностью.

Карьеру он начинал делать ещё при безумце Нероне. Так именно благодаря стараниям Нервы был разоблачён заговор против актёра на троне, составленный Пизоном и его сообщниками из сената. После этого юрист и малоизвестный стихоплёт оказался в необыкновенном фаворе и начал пользоваться покровительством сумасбродного тирана. Нерву даже удостоили немыслимой чести, потому что принцепс распорядился своему спасителю поставить статую, и не где-нибудь, а на Форуме, в самом центре Вечного города.

При Флавиях Нерва отошёл на время в тень и лишний раз не высывался из своего поместья. Ведь принцепсы из новой династии Флавиев не жаловали фаворитов своих предшественников. Однако при Домициане Нерва стал вновь появляться на Палатии и в сенате, хотя при этом в какой-то мере и рисковал. Впрочем, Нерва был осторожен, не разучился лавировать и даже пресмыкаться, и для него всё как-то обо-

шлось без неприятностей.

К концу своего правления Домициан уже вызывал у многих ненависть, почти такую же, как когда-то и Нерон. А всё потому, что третий из Флавиев прислушивался ко всем доносам и у него руки по локоть были обгарены кровью безвинных жертв. И когда последний из Флавиев в конце-то концов пал жертвой заговора, на трон был возведён Нерва, как один из самых пожилых и уважаемых сенаторов.

Первое, что сделал Нерва после вступления на трон, это дал клятву коллегам, что ни один волос с их голов не упадёт. Однако Нерва был к этому моменту уже слишком стар, чтобы не просто сидеть на троне, а по-настоящему править. Ему был необходим более молодой и энергичный помощник. Об этом недвусмысленно намекали и раздражённый и склонный к неповиновению римский плебс, и тем более армия. А гвардейцы Претория так вообще до нельзя обнаглели и во весь голос заявляли, что готовы нового принцепса вскоре согнать с трона и вынести его из Палатия вперёд ногами.

Угроза была настолько реальной, что сенаторы и прежде всего сам Нерва стали лихорадочно подыскивать соправителя. Наиболее вероятной кандидатурой в сенате подавляющее большинство считало наместника Сирии, Корнелия Нигрина, под рукой которого находилась самая сильная римская армия, целых семь легионов. И тут Нерве один из его ближайших друзей, старина Луций Лициний Сура, посоветовал

приглядеться повнимательнее к другой кандидатуре... К одному выходцу из провинции.

А именно, Сура, бывший родом из Испании, указал на своего земляка, которого звали Марком Ульпием Траяном.

Ну о нём в Риме мало кто знал. Это был совершенно не тщеславный уроженец латинской колонии Италика, располагавшейся на юге Иберийского полуострова. На мой взгляд, выбор Траяна для Нервы был в общем-то случайным, хотя, как оказалось, и в высшей степени удачным.

К тому времени Траян уже дослужился до генеральского звания, побывал и наместником провинции. Ну и в армии был на хорошем счету. Биография у легата Траяна была почти что безупречной.

По началу Траян играл роль как бы не главного принцепса, и если следовать современной спортивной терминологии, он был не форвардом, а запасным игроком. Он подчёркнуто почтительно относился к престарелому Нерве, ну а тот, ставший вроде бы основателем третьей династии, названной писателями того времени династией Антонинов, категорически не желал ничего слышать о каких-либо военных кампаниях. Нерва был совершенно гражданской личностью. Он и меч то никогда в руки не брал!

Пока был жив Нерва, Траян не торопился в Рим.

Уже в ранге второго принцепса он почти два года провёл на Рейне. Его ставка располагалась в Колонии Агриппины

(нынешний Кёльн), и он деятельно укреплял границу и усмир-
ял германские племена, особенно те, которые обитали в об-
ширных лесах на правом берегу Рейна и не были затрону-
ты цивилизацией. Но сразу же, как Нервы не стало и Траян
окончательно утвердился в Палатии на троне, он начал под-
готовку к большой войне.

И эта война должна была быть развязана с Дакией.

Траян причислял Дакию, после Парфии, к главнейшим
врагам Рима, и пока она существовала и процветала, на Бал-
канах не наступит длительный мир и покой, так думал вто-
рой принцепс из династии Антонинов. И в Децебале новый
август видел достойнейшего противника. Поэтому к войне
с Дакийским царством Траян готовился самым тщательным
образом. На подготовку к этой войне он потратил целый год.

В подтверждение этих слов приведу несколько приме-
ров...

По опыту предыдущих битв, Траян убедился, что страш-
ным оружием в руках даков становились их мечи. На них
немного останавлиюсь. Они были особенные. Массивные, и у
них были изогнутые серповидные и очень длинные лезвия.
Римляне эти двуручные мечи называли фалькатами, а да-
ки сиками. Ловко орудуя такими фалькатами, даки в руко-
пашном бою наносили римлянам тяжелейшие раны, и тогда
опытный вояка Траян решил кардинальным образом поме-
нять тактику рукопашного боя. Он призвал обучать легио-

неров к противоядию этим мечам.

У римлян были короткие мечи. Они назывались гладиусами. Но в отличие от фалькат этими мечами можно было противника и колоть. Вот и стали по указанию Траяна ветераны обучать молодых рекрутов, чтобы те не опасались фалькат и как можно ближе сближались с даками, и кололи их в грудь своими гладиусами. Это был наиболее оптимальный метод рукопашного боя с дакийскими воинами, вооружёнными самыми смертоносными на тот момент мечами.

А ещё у легионеров правую руку, которая не защищалась щитом и в которой они держали гладиус, начали прикрывать нарукавниками из металла. Увеличили для легионеров и щиты. Теперь их делали не закруглёнными, а прямоугольными, и в полный рост. Также Траян велел усовершенствовать метательные машины, облегчить их, чтобы те же катапульты и скорпионы можно было перемещать не только по хорошим дорогам, но и в том числе по пересечённой местности, и даже по горам.

Но всё это римляне проделали не афишируя, можно сказать скрытно. И поэтому, когда Траян, переправившись через Данувий, вторгся со сто тысячной по новому оснащённой и обученной армией в дакийские пределы, это для Децебала стало полной неожиданностью.

Армия вторжения постепенно сосредотачивалась в римской приграничной провинции Верхняя Мёзия, поблизости от города Виминация. На удивление, разведка даков промор-

гала её. Вернее, дозорные даков не рассмотрели в ней какую-либо серьёзную угрозу.

А всё потому, что Траян и здесь применил хитрость...

Он организовал несколько перебежчиков, и те ввели даков в заблуждение утверждениями, что у Виминация собирается карательный корпус, который всего лишь готовится преподать урок сарматам, в прошлом году совершившим очередной разбойничий набег на римское приграничье. Даки этим перебежчикам поверили.

Ещё следует сказать, что в окружении Траяна находилось и не мало закалённых и опытных сподвижников, проявивших себя на-военном поприще. Перечислю только некоторых военачальников, это: Сура, Лонгин-старший (отец того красавчика Лонгина, который будет другом преемника Траяна, Адриана), Маний Либерий Максим, и ещё ряд других легатов, на которых принцепс мог опереться в предстоящих военных действиях.

В этом же походе участвовал и Лузий Квиет. Но тогда этот бывший гладиатор не находился на первых ролях. Для него всё ещё было впереди.

Когда воды Данувия, после весеннего разлива спали, римляне навели через реку понтонные мосты и двумя колоннами перешли на левый берег. Но дальше римская армия двинулась через земли гетов не на северо-восток, в сторону роксоланов, а неожиданно на север, к сердцу Дакии, и только по-

сле этого Децебал и его окружение осознали всю серьёзность создавшегося положения.

Поняв замыслы Траяна, Децебал начал немедленно собирать войска и отправил послов в соседние земли, чтобы заручиться помощью соседей. И многие из них, такие, как кельты бастарны и костобоки, германцы буры, венеды и склавины, а также западные сарматы из племени роксоланов решили ему помочь, и уже вскоре от них выступили многочисленные отряды.

Помимо этого, пытаясь выиграть время, царь даков отправил и к Траяну посольство. Вначале в императорскую походную ставку прибыли не самые знатные даки, и это было даже скорее не посольство, а разведка. Траян с этими послами не посчитал нужным встречаться. Тогда Децебал направил уже новых послов.

На этот раз посольство возглавляли знатные даки, включая Сусага, пожалуй, ближайшего соратника царя и одного из лучших дакийских полководцев. Посольство от имени Децебала обещало признать верховную власть Римской империи над Дакийским царством, и для этого сам царь даков просил о личной встрече с Траяном. Траян согласился на неё. Но Децебал так и не прибыл для переговоров, и принцепс понял, что царь даков хитрил и всего лишь пытался выиграть время.

А тут ещё Траяну пришло угрожающее послание от бу-

ров...

Это германское племя преподнесло Траяну довольно-таки странный презент. Принцепс получил от них гриб. Да, да, гриб! Удивительных размеров. И на нём по-латински было начертано, что «лучше бы римлянам вернуться к себе домой по добру и по здорову, а иначе их ждёт в горах Дакии неизбежная смерть...»

В ответ на это варварское послание Траян лишь усмехнулся, и римская армия продолжила продвигаться на север к сердцу Дакии, к её столице. В авангарде римской армии находился сам император. А помимо его сподвижников к нему в этом походе присоединились и члены его семьи, его жена и сестра, Помпея Плотина и Марциана.

Римская армия неторопливо продвигалась, и Траян вперёд постоянно высылал усиленные разъезды, состоявшие из мавретанских и нумидийских разведчиков. Поначалу римляне двигались на Берзовию (или Берзаб), далее свернули на восток и прошли Айзы. Потом повернули вновь на север.

И вот, вначале сентября 101 года новой эры, стотысячная римская армия подошла к важнейшей дакийской крепости Тапы.

Эту крепость ещё называли «ключом к Сармизегетусе».

Глава седьмая

Около двухсот тридцати тысяч воинов сошлись под Тапами с обеих сторон. Даков было больше, но римляне были лучше вооружены и гораздо более организованны. В самом начале битвы всё небо прочертили молнии, прогремели сильнейшие раскаты грома, от которых чаша неба казалась треснула, и зарядил ливень, однако это не охладило пыла сражавшихся. Напротив, римляне восприняли гром, как знак свыше. Как некое одобрение их действий самим Юпитером Громовержцем. Это подтвердили и жрецы-фециалы, которые перед сражением, как и полагается, провели обряд и окропили кровью жертвенных животных походный алтарь.

И даки, и римляне прекрасно понимали значение битвы при Тапах. Она решала всё!

Битва эта растянулась на много часов. Вначале даки потеснили римлян. Их атака на центр римского строя оказалась настолько дерзкой и отчаянной, что даже закалённые римские триарии (это были самые опытные legionеры, прослужившие больше десяти лет) дрогнули и попятились. Но всё-таки Траян личным примером не дал своим воинам ступать и отступить. Он вовремя сориентировался. Увидев, что его воины отступают, он спрыгнул с коня, выхватил из ножен меч и бросился на даков в первых рядах двух резерв-

ных легионов, XXX Победоносного Ульпия и II Неустрашимого Траянова, организованных перед походом на Дакию, и легионеры этих легионов с устрашающими криками последовали за ним.

В итоге им хоть и с трудом, но удалось переломить ход битвы.

Даки не выдержали такого натиска и отступили. А к вечеру стало окончательно ясно, что поле битвы осталось за римлянами.

Весь вечер и всю ночь римляне подбирали своих раненых. Когда Траяну доложили, что для них не хватает перевязочных материалов, то он не задумываясь велел разорвать на бинты свои сменные одежды из обоза. После того, как погибших захоронили, в их честь соорудили общий поминальный алтарь на одной из горных вершин.

Потери обеих армий были колоссальными.

Если римляне потеряли почти 20 тысяч воинов, то потери даков превысили 42 тысячи! Однако Децебал не собирался сдаваться на милость победителя, и Траян, ввиду приближавшихся холодов, принял решение сделать передышку и отвести свои легионы к Данувию, и разместить их в зимних укрепленных лагерях.

Но избежать зимней кампании у римлян всё-таки не получилось.

Воспользовавшись тем, что в связи с неожиданным резким похолоданием нижнее течение Данувия оказалось скованно льдом, семнадцатитысячная конница роксоланов перешла на правый берег по льду и вторглась в римскую провинцию Мёзию.

Выступление роксоланов приободрило даков, и они тоже возобновили военные действия. Децебал взял в осаду несколько крепостей на левобережье, в которых при отходе Траян разместил гарнизоны.

Наместник Мёзии спас Траяна от неприятностей.

Всего с двумя легионами он встретил тяжёлую роксоланскую конницу в долине у Адамклиси и искусным манёвром поставил её в непростое положение, и затем нанёс ей поражение. Роксоланам пришлось ретироваться и только малая их часть вернулась в свои становища. А Траян тоже отреагировал на нападения даков незамедлительно. Действовал он не менее решительно. Что ни говори, а не зря за Траяном к тому времени закрепилось мнение, что он относился к самым лучшим римским военачальникам за всю историю Древнего Рима. Приготовив за день достаточное количество лодок и плотов, Траян переправил на левый берег пехоту из четырёх легионов, а конницу перевёл по понтонному мосту, и зашёл в тыл дакам, которые осаждали приграничные крепости.

Довершил разгром даков ещё один отряд римлян. Он перехватил огромный обоз противника, и перебил всю его охрану. При этом в руки римлян попала ценная добыча.

Весной 102 года новой эры военные действия возобновились.

Перед выступлением в пределы Дакии Траян обратился к легионерам с речью. В ней он объявил, что намерен окончательно разбить и покорить уж очень строптивые дакийские племена и навсегда обезопасить от варварских вторжений Балканские провинции. Легионеры, многие из которых были родом из этих провинций, речь императора восприняли с воодушевлением.

Траян возглавил главную колонну римской армии, двигавшуюся через горы и ущелья прямо на Сармизегетусу. Именно на эти легионы выпала труднейшая задача по овладению горными крепостями и замками, прикрывавшими с юга столицу даков.

Легионы Траяна умели брать вражеские укрепления, какими бы они не казались неприступными, имея к тому же под рукой катапульты и стенобитные машины, и поэтому эти укрепления их на долго не смогли задержать.

Карпаты и межгорные долины тогдашней Дакии были покрыты густыми обширными лесами, и легионерам иногда приходилось не только вступать в схватку с даками, но и доставать топоры и сражаться с этими непроходимыми чащами, а ещё и с завалами, которые устраивались воинами Децебала на пути продвижения римских легионов. Но и это не на долго останавливало армию, возглавляемую Траяном.

При этом иной раз и сам принцепс спрыгивал с коня, брался тоже за топор и вместе со своими легионерами не брезговал лично прорубать проходы в лесной чаще. Он ничего не чурался.

Вторую колонну римской армии, продвигавшуюся не с юга, а из Виминация, то есть с юго-запада, возглавлял Маний Лаберий Максим. Обе колонны должны были встретиться под стенами Сармизегетусы.

Легионы Мания Лаберия Максима так же продвигались вполне успешно.

В одной из взятых Максимом крепостей ему удалось захватить особо ценный трофей. В его руки попала одна из сестёр царя даков (та, что была помладше Вируты, супруги Драговита). И уж совсем неблагоприятным стало положение даков после того, как мавретанская и нумидийская конница римлян, в количестве трёх тысяч всадников, сделала глубокий рейд в пределы Дакии и захватила горный проход Судрук (он располагался в Южных Карпатах), после чего дорога на Сармизегетусу для римлян оказалась открытой.

Последней надеждой Децебала оставалась крепость Апул.

Под её стенами вскоре разгорелась ожесточённая битва. Даками здесь командовал лучший полководец царя, Сусаг. Даков было втрое меньше римлян. Они сражались самоотверженно, не отступали ни на шаг, никто из них не побежал и не запросил пощады, и почти все они полегли на подступах

к Апулу.

В этом сражении погиб и возглавлявший даков Сусаг.

После сражения под Апулом и гибели Сусага, Децебал понял, что дальнейшее сопротивление римлянам ничего не даст, а только приведёт к новым жертвам и к полнейшему истреблению его соотечественников.

И тогда Децебал вновь завязал переговоры с императором Траяном.

От имени царя даков повели переговоры его брат Диэг и ещё несколько знатнейших дакийских старейшин и вождей, так называемые пилорофоры (так их называли из-за особых шапок, которые только им разрешалось носить; это были высокие остроконечные войлочные шапки, скроенные на скифский манер).

По сути, Децебал уже был готов согласиться на все условия римлян.

Траян принял послов в своём шатре сидя на троне, на котором ещё восседал император Октавиан Август.

Император потребовал от побеждённых выдать пленных римлян и перебежчиков, а также оружие, военные машины, и ремесленников, которые эти машины делали, разрушить все укрепления, в том числе и те, что были возведены для защиты дакийской столицы, и больше не принимать перебежчиков из империи. Разумеется, отменялись субсидии, которые выплачивались дакам при Домициане.

Децебалу также запрещалось с кем-либо без разрешения Рима вести переговоры, заключать союзы и прибегать к чьей-либо помощи.

Условия были очень тяжёлые, но Децебал их вынужденно принял.

Мирный договор был заключён.

Траян вернулся в Рим.

Для того, чтобы Децебал даже и не думал нарушать условия мирного соглашения, Траян потребовал ввода в Дакию и размещения на всей её территории римских воинских подразделений, включая и окрестности Сармизегетусы.

Общее командование всеми римскими воинскими силами, размещёнными в Дакии, Траян поручил своему давнему соратнику, проконсулу Гнею Помпею Лонгину (это был дядя красавчика Лонгина).

Децебалу ничего не оставалось делать, как пойти и на это унижительное и крайне неприятное для него условие, ставившее царя даков в полную зависимость от империи.

Траян достиг почти всех поставленных им в этой войне целей и находился на вершине успеха. А апофеозом всего стало прибытие в Рим посольства даков во главе с самим Децебалом. Царь даков побывал в сенате и заявил там, что отныне он становится верным союзником Рима. То есть, Децебал официально признал себя клиентом империи, полностью от неё зависимым.

В Риме по этому случаю провели гладиаторские бои. Причём провели их с невиданным размахом. В этих цирковых постановках участвовало несколько тысяч гладиаторов.

Вокруг ставки верховного вождя роксоланов простиралась бескрайняя степь, изредко оживляемая курганами. Поговаривали, что ещё скифы и их предшественники киммерийцы испокон хоронили вместе с конями и оружием в этих курганах своих выдающихся предводителей. Степь очень контрастировала с привычными для карпов лесами и болотами, и потому прибывшие в ставку карпы себя чувствовали в ней не уютно.

А тут ещё воронье громко каркало и досаждало им. Оно днём и ночью вилось над той частью частокола, где располагались шесты с насаженными на них головами. Головы эти уже успели почернеть и усохнуть, и у многих из них были выклеваны глаза. Чьи эти головы были, роксоланы посмеиваясь объяснили прибывшим гостям.

Они принадлежали пленникам. Тем, которые проявили свою строптивость и недавно попытались сбежать. Эти пленники убили двух охранников, захватили коней и ускакали в степь. Но далеко не ушли. Тагасий, старший сын верховного вождя Фарзона, тут же объявил на беглецов облаву. Как на каких-то зверей.

И через пару дней он со своими людьми нагнал беглецов. Роксоланы с такими пленниками не церемонились и сразу

же их казнили. Ведагор лишний раз не хотел на эти насаженные на шесты головы смотреть. Но они были и в остальных местах ставки, и постоянно попадались ему на глаза.

Ведагор был самым близким к старейшине рода Дулёб человеком, и Хвалимир ему всецело доверял. А проистекало это из-за того, что они являлись родственниками. Один из сыновей Хвалимира был женат на младшей дочери Ведагора.

И потому, именно Ведагора сейчас Хвалимир отправил в ставку верховного вождя роксоланов для переговоров, но Фарзон, сославшись на некие туманные обстоятельства, не захотел его сразу принимать. И вот четвёртый день карпы терпеливо ждали аудиенции.

«Чтобы это означало?..» – хмуро обдумывал этот негостеприимный и непонятный для него жест со стороны Фарзона посланец от старейшины Хвалимира. – «Роксоланы не желают вести переговоры? Или Хвалимира уже опередили? Тот же князь Драговит? Но не-ет, от карпов вроде бы никто раньше их не прибывал сюда в ставку... Зна-ачит... значит за этим кроется что-то другое... Но что? Что именно?»

Карпов разместили в отдельном шатре, который считался гостевым и располагался в отдалении от внушительного шатра верховного вождя роксоланов. Пока Ведагор ждал встречи с Фарзоном он не выходил на воздух. Настроение у Ведагора было совсем унылое. Но вот к нему заявился его помощник, старший дружинник по имени Доброван.

Этот бородач откашлялся в кулак и глухо произнёс:

– К тебе э-это... просятся... Какой-то купец...

– Ку-у-упец?! – удивился Ведагор.

– Ну, да.

– Кто такой?

– Римлянин...

Ведагор немного поколебался и затем кивнул головой, чтобы римского купца к нему пропустили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.